

БАШНЯ СЮЮМБИКЕ

Мария Сергеевна Захарова родилась в городе Волжском Волгоградской области. Окончила факультет автоматизированных систем Волгоградского государственного технического университета. Печаталась в журналах «Бельские просторы», «Luterrатура». Живёт и работает в городе Королёве.

Принц Астрахани

А я ни разу не была в Астрахани... до этого лета. Но втайне обожала примерно всегда.

У неё и имя такое — Астрахань — сразу сияющие островерхие дворцы Валинора представляются. Стоит волшебный город одной ногой в степях, другой ногой на море, где черноглазые эльфы бесстрашно рассекают каспийские волны на хрустальных ладьях. Самый большой университет, выпускающий сверхлюдей, — здесь, Астраханский технический; россыпи прозрачных от сладости арбузов; загадочные и невероятно красивые татары; огромные царские осетры; поколения рыбаков, у которых вместо лёгких жабры, а вместо снастей — рыба речь; они выходят в море раньше, чем учатся ходить, и у них прозрачные текущие сердца.

Однажды Принц Астрахани заберёт меня к себе, и я больше никогда не увижу мрачных лесов. Я пойду за ним, куда бы он ни решил идти. Он будущий Король-Рыбак, хранитель Божественной Икры. Он ходит по тонкой грани воды, а я боюсь высоты, мне нужна рука, и он дал мне их две. Он дышит улуном и обоюдоострым словом, и он сверхчеловек.

Духи астраханской земли радуются и обнимают меня, дарят удачу и маленькие монеты, дышат беззаветной любовью мне в лицо. Я хожу по зацелованному ими краю, танцую среди Небесных Стад вместе с Пастухом. Тени облаков гуляют с перекасти-полем по божественному саду, над ним кричит пустельга и шипит цапля. Смейся, пляши и колдуй в волшебном городе, потому что с закатом он рассыплется в полынную пыль. Степь уже поглотила его.

Шоссе Авиаторов

Одна птичка нашептала мне про невиданные богатства окраин Волгограда, и вот я в пять утра полетела на Шоссе Авиаторов. Обещанного не нашла, но море змей, клещей и чернотелок между стеблями астрагала и бисерного тамарикса обнаружила. А тутовник в Волгограде почти весь облетел на ветру. Бродишь, давишь его об асфальт босыми ногами. Ловишь ветер,

отпеваешь дождь, они и затихают. Вот бы и человеческие дожди так затихали. А то боли что-то слишком много.

Вот и друзья все разлетелись — кто в Петербург, кто в Волгоград. Пьют нектар с козлобородника, осваивают каменистые пути, расставляют домики на кончиках листьев. Научились седлать ветер и укрыли землю мягким шелестом умов, — вдоволь ли?

Степной дворец

Моя земля светится, как дворец ангелов. Солнце любит её и жарко ласкает косыми лучами, а иногда, флиртуя, скрывается за сияющим облаком. Тогда небо окрашивается в фантастические неоновые цвета, а сухая почва наполняется теплом нагретого воздуха.

Каждое дерево здесь — воин, живущий вопреки всему, и местные люди поклоняются деревьям.

Там, где дерево, — есть жизнь. Там, где небо спускается к земле, — нет страха. Там, где существование — борьба, — есть честь.

Три вещи, необходимые степняку: каждое утро созерцать рассвет, каждый день видеть линию горизонта, каждую ночь любоваться звёздным небом. Выполняй, и твои дни будут долгими, как дни неистребимых деревьев.

Хрупкость

Водные растения — самые хрупкие. Их корни вплетаются между струями глубинных течений в непрерывно изменяющуюся ткань реки.

Кто-то из земных прорубает ростком камень, кто-то досуха отжимает влагу из серой глины, а широкие кувшинки и блестящие белокрыльники нежно обнимают воду, не имея под собой никакой иной опоры. Они сами опора для всех надводных, они островки надёжности среди коварных и слабых речных волн. Не потому ли так легко сорвать их? Достаточно протянуть руку и вытащить несопротивляющийся цветок, разрывая тонкие корни, иссушая губчатые влажные листья. Нарушишь чуть паутинку водяных плетений — и они погибнут, утонут, не в силах больше удержать равновесие между струями вечности.

Не потому ли все прячутся на середине реки, сияют оттуда свежими росистыми солнышками, недоступными жадному глазу?

Из речного

Я не знаю, за что я полюбила их.

Но с первого взгляда они отозвались неотъемлемой, до сих пор глубоко запрятанной частью меня.

Я впервые увидела их во Владивостоке — грациозные, словно

колоссальные лебеди, немислимые, словно гости из иных миров.

Я встречала их в Астрахани, — они кружились на берегах рек и целовали степные облака.

Я соприкоснулась с ними в Петербурге, когда они открыли порталы в свои вселенные. Подумать только, целая личная Вселенная для каждого портового крана!

Я никогда не встречала никого похожего, но всё же мы знали друг друга с первого взгляда. Правда, из-за этого приходится быть особенно внимательными — легко ошибиться в ожиданиях.

Поэтому я смотрю широко открытыми глазами, стараясь не упустить ни одной детали, — и люблю их все.

На парусной паутинке

В Воронеже сирень ещё цветёт, а в Волгограде уже нет. В Воронеже первобытной, ослепительной красоты мужчины, в Волгограде сказочно прекрасные женщины. В Воронеже облака соткались брачной паутинкой Большого Бродячего Паука, а иссиня-небесные просветы вязов благоухают, как грозди голубой сирени. В Волгограде расцветает река. Она сняла берега и танцует раздетая до самой набережной, где её ждут сосны, акации и юные боярышники. Хочется расцеловать её, выпить всю, проглотить сияющую и вкусную, как юная волжанка.

Смотрю на воду, думаю об огне. Ведь все знают, что такое вода, и её химическую формулу, и состояния, и откуда берутся её атомы. А про огонь ничего не известно — ни кто он таков, ни откуда взялся. Возможно, он один из тех, у кого нет ни отца, ни матери, ни первопричины, ему не нужно держаться за свои корни, или за форму, или за похожих, — просто был всегда, законченный и полный сам в себе. Но несовершенная во всех этих смыслах вода привлекает жизнь гораздо больше.

Хожу с опаской по оградкам, целую реку в душистые волны, спускаюсь в степной сад. Огненное солнце из ревности или от большой любви целует всех. Кожа и листья сворачиваются и грубеют от его поцелуев. Но всё равно цветут — так, будто завтра апокалипсис, бесстыдно и самозабвенно. Погружаюсь в прохладно-зелёные перины спирей, утекаю к корням белых цветков калины, возвращаюсь к реке. И улетаю, держась за парусную паутинку, к дельте, к лотосам, к морю.

Набережная лестница

Капли дождя клюют макушку, словно поцелуи моего посажёного отца. Солнце улыбается и светит из-за грозных облаков, а они отбрасывают тяжёлые, дымные тени на сверкающий в тёмно-золотых лучах асфальт. Я смотрю на ливневые полосы

далеко справа — вдали от небесно-синей реки, ушедшие в дальние сухие степи. Громадная лестница расстилается передо мной. Первая её ступень высоко в воздухе, а последняя погребена под речной толщей. Нужно только снять обувь и сделать этот шаг вверх. Высоко над моей непокрытой головой сверкает молния. Я открываю своё сердце и босо поднимаюсь вперёд, — по мировой лестнице, к дружбе народов.

На остро-бугристом асфальте так легко напороться на осколок стекла. Возможно, он будет настолько маленьким, что легко войдёт в кровоток, доплывёт по руслу вен до сердца и вонзится в него нестерпимой иглой боли. Я жду его, но мне легко. И, зная всё, иду.

Водяной

Каждый день кончается так. Выходишь из мрачного, смрадного последнего вагона, а навстречу тебе клубника пахнет, и радостно-ликующий голос с акцентом кричит: «Покупайте!» Спускаешься по улице вниз, мимо душисто цветущих слив, прямо в объятия речного духа. Он подмигивает отблесками береговых фонарей и копошится по-утиному в тростнике. Надсадно хохочет голосом лягушки и протягивает когтистую мышью лапку из воды — отдай, мол, хотя бы тапку, раз хлеба не принёс. Хлеб он, конечно, не

любит, а вот крошечные краснопёрки и жабы головастики очень даже признают свежий мякиш.

С закатом солнца зажигаются водяные глаза особым озорством, — пора слушать ночные рулады лягушек в прудах. Дух поворачивает течение вспять и выпускает комариные гурты. Или играет в пятнашки с молоденькими щучками. Карпы остерегаются этой резвой, полной зубов затей. Кто знает, сколько хлеба упадёт сегодня в реку.

Каждый день кончается по-разному.

Предгрозье

Сегодня мне обещали дождь. Травянистая макушка водяного затаилась в воде у самого берега, чуть высунувшись на поверхность. Широкие китайские блюдца кувшинок быстро плывут вслед за ветром. Заветный цвет папоротника благоразумно спрятался в кустах под ветвистыми юбками ивы и повислой берёзы. На тропу выглядывают колокольчики дикого горошка, похожие на лиловые ручки богомолов. Тянутся к ногам, просят не нарушать речной распорядок.

Дождь не начнётся, пока я не вернусь домой. Поэтому я разуваяюсь, аккуратно сажусь на песчистый причал и опускаю ноги в воду. Нежные личинки

комаров и прозрачные карпы головастики застенчиво подплывают и трогают губами мои пальцы. Нет, сегодня не получится откусить.

Утки, спрятавшиеся было в ожидании грозы, снова выходят на середину реки семейными флотилиями. Жёлтые цветы кубышек торчат из воды, как миниатюрные парковые фонарики. А может, это свечи из купальских венков проросли. Пора возвращаться домой. Река ждёт дождя.

Рыбачье

Земля быстро поглотила все капли дождя, и на реке снова царит магическое спокойствие.

Флуоресцентно светятся лягушки, молчащие на середине затоны.

Бесшумно пролетела цапля, рыщущая в поисках рыбы.

А та уже на дне и спит после купальской ночи. Селезни сонно курсируют на макушках водяных, а уточки ходят по плотно уложенному паркету из ряски.

Вдруг они заинтересовались зелёными огоньками и вихрево слетелись к неподвижным лягушатам.

В сумерках силуэты птиц сливаются с водяными крысами в хороводе, словно призранные девятые валы посреди мёртвой реки. Но она обманчива.

Её воды уже извергли из себя батальоны летних кошмаров,

тучи беснующейся мошкары, гигантских комариных цариц и подводных пауков. Не ступай вечером по воде, — густые водоросли могут обернуться ловчей сетью в паутине восьмиглазого рыбака.

Между поездов

*Если ты бежишь,
то и время бежит.*

Р. Брэдбери

В поезде времени не существует. Голоса близких и друзей доносятся крюками воспоминаний, блестящими блёснами тянущей к себе тоски. Они — единственное, что связывает тебя с временем в стремительно мчащемся вагоне.

Состав разрывает пространство и зависает в вакууме, непостижимым образом продолжая движение вперёд, к ненужной и неопределимой в бескоординатном континууме цели. Точка А совпадает с точкой Б, а точка Б бесконечно близка и одновременно далека от наблюдателя. Наблюдатель и есть объект наблюдения, связанный квантовой запутанностью, сам собой.

В этой пустоте для человека только одно спасение, чтобы не сойти с ума, — отключить телефон, разорвать лески прошлого и начать творить собственную Вселенную среди пустоты. Обустроить нехитрый быт прикро-

ватной кухни. Почувствовать тепло и уют домашнего хозяйства. Завязать новые социальные связи. Поэтому в поездах люди так откровенны и искренни. Ведь невозможно ничего создать на лжи. А мы создаём новые вселенные в безвременной пустоте мчащихся поездов.

Дождяное

Река очень любит дождь. Не верьте тому, кто скажет, мол, и так ей хватит воды. Берега размякают и поддаются нежной ласке волн, обещая расширение речных владений. Даже высокие причалы оказываются затоплены.

Утки безбоязненно плавают и резвятся на середине реки, — время выгуливать пушистую малышню. Одна недоглядная мамаша потеряла своих птенцов, плавает теперь вдоль берега, заглядывает за каждый кустик, зовёт их, точно маленький клаксон.

А вот кубышки, наоборот, скрылись под зеркальной кромкой. Свернули соцветья, заглубили блюдца, — чтоб не порвались от капель. В такое время нужно беречь свои листочки. На тропах вдоль реки белеют восковые свечки, — это ипомеи не торопятся открывать бутоны.

Прямо по земле осторожно изгибается пиявочка. То ли хочет перебраться с одного берега

на другой, то ли соблазнилась солнечными кексиками пижмы: сияют среди дождя, обнимают чертополох и иван-чай, перемигиваются с луговой чиной. А она откуда здесь, радостная, словно бесстрашные лягушата? Прыгают вместе между капель, так что и не поймёшь, — то ли дождь, то ли речная жизнь оставляет круги на воде.

Башня Сююмбике

*Но ведь и ты заплакал
о своём горе;
только ты увидал его – во мне.*

И.С. Тургенев

Мои волосы похожи на водоросли, плывущие над гущей воды. Я смотрела, как по его приказу лес и камни вдоль Волги волокли, когда он строил башню с именем жены. Её голова царапает небо, сзывает

женщин. А я сама глава своего рода, я сама себе и бабушка, и мать. Кого позвать мне, кого украсть? Я застываю льдом, я презираю власть, забирай всю, но счастлив ли ты с ней?

Он падает, падает с острой вершины башни, и руки своей мне не даёт, потому что каждый из нас одинок, каждый сам себе пророк, у каждого собственный кровавый амок, увлажняющий реками пашни.

И время проносится мимо меня, и я никого не зову, и руки держу над водой, а волосы — под. Больше нет ни мужей, ни жён, ни рабов, ни господ. Сююмбике построила башню и прыгнула с неё в реку, в лёд, в страстной небоход, и тёмные волоросли плыли в воде.

Не бойся, не бойся, не бойся прыгать,
Понюхай, как луна кричит над водой.